

ЛИЛИЯ ТИМОЛАЕВА

ХОЗЯЙКА
ГИБЛОГО ПОМЕСТЬЯ
ДРАКОНОВ

Лилия Тимолаева

**Хозяйка гиблого
поместья драконов**

«Литнет»

2026

Тимолаева Л.

Хозяйка гиблого поместья драконов / Л. Тимолаева — «Литнет», 2026

Меня привезли в гиблое поместье как наказание. Без права отказаться. Без права вернуться. С документами на дом, от которого все бегут, и чужим именем, которое теперь должно стать моим. Эйрен-Гард считают проклятым. Здесь исчезают хозяева, слуги боятся говорить после заката, мёртвый сад зовёт детскими голосами, а под фундаментом дышит древняя сила, из-за которой северные лорды готовы развязать войну. Все ждут, что я испугаюсь и сбегу. Только я не собираюсь отдавать свой дом тем, кто пришёл его разрушить. Я зажгу очаг. Верну жизнь стенам. Защищу детей, которых все списали. И даже властному дракону придётся понять: я не временная хозяйка. Я та, кого выбрал дом.

© Тимолаева Л., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Наследство с дурной славой	5
Глава 2. Дом, который не пускает чужих	12
Глава 3. Первый приказ хозяйки	21
Глава 4. Дети из мёртвого сада	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Глава 1. Наследство с дурной славой

Карета неслась так, будто за ней гнались не люди, а сама ночь.

Первым, что Лада почувствовала, был холод. Не обычный осенний холод, от которого можно спрятать пальцы в рукава и переждать до утра, а чужой, цепкий, северный, будто он давно поселился в дереве, железе, ткани, в самом воздухе и теперь медленно добирался до костей. Потом пришёл звук: скрип колёс, хрип лошадей, резкие удары дождя по крыше, тяжёлое дребезжание ставенок на окнах кареты.

Она открыла глаза и не сразу поняла, почему потолок над ней обит потемневшей бордовой тканью, почему под ладонью не простыня, а жёсткая кожаная скамья, почему на коленях лежит чужая тяжёлая юбка из серой шерсти.

И почему её собственные руки — не её.

Тонкие пальцы, бледная кожа, серебряное кольцо с чёрным камнем на безымянном пальце. Ногти коротко подпилены, на запястье синеватый след от слишком тугой ленты или браслета. Лада медленно вдохнула, пытаясь удержаться за разум, за хоть какую-то понятную мысль, но карета в этот миг провалилась колесом в яму, и её бросило плечом на стенку.

— Очнулась, значит, — раздался напротив сухой мужской голос. — Жаль. Я уж думал, дорога сама решит вопрос.

Лада повернула голову.

На противоположной скамье сидел мужчина лет пятидесяти с узким лицом, тонкими губами и таким выражением, будто всё вокруг, включая её дыхание, было для него досадной обязанностью. На коленях он держал кожаную папку с бумагами, прижимая её обеими руками, словно боялся, что Лада вырвет документы и выпрыгнет из кареты на полном ходу.

В другой ситуации она, возможно, так бы и сделала.

Но сейчас за маленьким мутным окном мелькали чёрные ели, мокрые камни и пустая дорога, уходящая в серый провал между холмами. Мир за стеклом был не её миром. В этом не было ни одного сомнения.

Лада снова посмотрела на свои руки. На серую юбку. На высокие шнурованные ботинки, испачканные подсохшей глиной. На тяжёлый плащ, запах которого был чужим: сырость, пыль, дым от старого очага и слабая горькая нотка каких-то северных трав, впитавшаяся в ткань.

— Кто вы? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Голос тоже оказался не её. Ниже, мягче, с лёгкой хрипотцой, как у женщины, которая долго молчала или долго плакала. Лада не плакала. По крайней мере, не помнила.

Мужчина поднял брови.

— Прекрасное начало, госпожа Вейрхольд. Сначала вы молчите полдороги, потом падаете в забытьё, а теперь спрашиваете, кто я. Если это очередная попытка оттянуть прибытие, должен вас огорчить: поместье уже близко.

Госпожа Вейрхольд.

Имя ударило не громко, но точно, как камешек в стекло. Где-то глубоко, в чужой памяти, шевельнулось слабое, мутное: Мирана. Мирана Вейрхольд. Дочь разорившегося дома. Невеста, от которой отказались. Женщина, которую вчера в присутствии свидетелей заставили поставить подпись.

Подпись?

Лада опустила взгляд на папку.

— Документы, — сказала она.

— Что?

— Дайте мне документы.

Мужчина неприятно усмехнулся.

— Доехали. Уже госпожа распоряжается.

— Если я, как вы сказали, госпожа Вейрхольд, и если мы едем к моему поместью, документы касаются меня. Значит, я хочу их увидеть.

Он посмотрел на неё внимательнее. До этого в его взгляде была скука, теперь к ней прибавилась настороженность. Видимо, прежняя Мирана Вейрхольд не разговаривала таким тоном. Возможно, молчала. Возможно, позволяла себя везти, как сломанную вещь, которую решили убрать из приличного дома подальше от глаз.

Лада не знала, кем была эта женщина. Но уже понимала: если начнёт вести себя так же, долго не продержится.

— Вам всё уже разъяснили в канцелярии, — сухо произнёс мужчина.

— Разъяснили ей, — ответила Лада прежде, чем успела испугаться собственной дерзости. — А сейчас я спрашиваю вас.

Колёса снова грохнули по камням. Снаружи кто-то выругался, лошадь фыркнула, и карета на мгновение замедлилась. Мужчина с папкой прищурился, будто хотел понять, не скрывается ли за её словами безумие. Наверное, в этом мире безумие было удобным объяснением для женщины, которую отправляли туда, куда никто не хотел ехать.

Наконец он развязал ремешок и вытащил несколько листов. Бумага была плотная, желтоватая, с водяными знаками в виде расправленных крыльев. Внизу темнела печать: круг, внутри которого дракон обвивал башню.

Лада осторожно взяла первый лист.

Буквы были незнакомые и одновременно понятные. Глаз спотыкался о витиеватые строки, но смысл складывался сам, будто чужая память подсказывала перевод.

«Акт передачи имущества... северный округ... поместье Эйрен-Гард... земли, строения, прилегающий лес, старые мастерские, пустошь у Чёрного ручья... передаётся во владение Миране Вейрхольд... без права отказа до истечения первого зимнего срока...»

Без права отказа.

Лада перечитала эту строку дважды.

— Это не наследство, — сказала она тихо.

Мужчина отвёл взгляд к окну.

— Формально — наследство.

— Формально можно и камень назвать хлебом, но от этого он не станет едой. Что значит «без права отказа»?

— Значит, что дом ваш, госпожа Вейрхольд.

— И я не могу от него отказаться?

— Не можете.

— Почему?

Он помолчал, и в этой паузе за стенками кареты ветер стал слышнее. Он шёл над дорогой длинным тоскливым воем, цеплялся за щели, будто пытался заглянуть внутрь и первым увидеть, как новая хозяйка отреагирует на правду.

— Потому что никто другой его не возьмёт, — наконец сказал мужчина. — А приказ драконьего наместника должен быть исполнен.

Слово «драконьего» легло между ними тяжёлой печатью.

Лада медленно провела пальцем по краю бумаги. Сердце билось быстро, но не беспорядочно. Страх был, конечно был. Невозможно было очнуться в чужом теле, в чужом мире, с чужим именем и не бояться. Но вместе со страхом поднималось другое чувство — злое, упрямое, почти спасительное.

Её списали.

Не спросили, не объяснили, не дали выбора. Просто посадили в карету, сунули в руки проклятое имущество и повезли туда, где, по мнению всех вокруг, ей самое место.

На край.

В гиблое поместье.

— А прежние владельцы? — спросила она. — Что с ними стало?

Мужчина чуть заметно поморщился.

— Не думаю, что вам стоит забивать голову старыми историями.

— Мне предстоит там жить. Так что стоит.

— Одни уехали.

— Куда?

— Далеко.

— А другие?

Он сложил руки поверх папки.

— Госпожа Вейрхольд, северные дома не любят слабых. Эйрен-Гард особенно. Там сырая земля, старые стены, плохие дороги и люди с суевериями в голове. Если вы будете слушать каждую деревенскую сплетню, то сойдёте с ума раньше, чем зажжёте первый очаг.

— Значит, были и те, кто сошёл с ума.

Его губы сжались.

Лада поняла, что попала в цель.

Карета начала подниматься в гору. Дорога стала хуже; ветви елей скребли по бокам, словно чёрные пальцы. За окном уже не было ни деревень, ни огней, ни случайных путников. Только лес, мокрый снег вперемешку с дождём и редкие каменные столбы вдоль тракта. На каждом столбе виднелся тот же знак: дракон и башня.

Мирана Вейрхольд, подсказала чужая память, боялась этого знака. Не просто боялась — знала, что там, где он стоит, спорить бессмысленно. Драконьи рода владели севером не по праву богатства и не по праву старшинства, а по чему-то более древнему, от чего у людей опускались глаза и дрожали голоса.

Лада сжала бумагу чуть крепче.

Она не помнила, как умерла. Не знала, почему оказалась здесь. Не знала, можно ли вернуться. Но одно понимала ясно: если в этом мире выживают только те, кто быстро учится, значит, ей придётся учиться быстрее всех.

— Как вас зовут? — спросила она.

Мужчина будто удивился самому вопросу.

— Секретарь окружной канцелярии Ровен Штайн.

— Хорошо, господин Штайн. Тогда объясните мне, почему драконий наместник распорядился передать это поместье именно Миране Вейрхольд.

Он посмотрел на неё долгим, неприятным взглядом.

— Вы правда не помните?

В груди стало тесно.

Вот оно. Первая опасность. Не дом, не холод, не проклятые стены — люди. Люди, которые знали прошлое Мираны лучше, чем она сама.

Лада заставила себя не отвести глаза.

— Я помню достаточно, чтобы понимать: одни факты в канцелярии называют милостью, другие — наказанием. Мне интересно, какое слово вы используете между своими.

Ровен Штайн впервые за всё время почти улыбнулся.

— Наказание, конечно.

Снаружи кучер громко цокнул языком, подгоняя лошадей. Где-то впереди каркнула птица, и звук вышел таким хриплым, будто лес сам смеялся над ней.

— За что? — спросила Лада.

— За то, что дом Вейрхольдов слишком долго жил в долг. За то, что ваши родственники пытались выторговать брак там, где им давно указали на дверь. За то, что вы, госпожа, оказались последней удобной подписью в неудобном деле.

Внутри чужой памяти мелькнули обрывки: холодный зал, женщина в жемчуге, которая не смотрела в глаза; молодой мужчина с красивым равнодушным лицом; перо, вложенное в пальцы; шёпот за спиной: «Пусть забирает Эйрен-Гард, всё равно долго не протянет».

Лада медленно выдохнула.

— Значит, меня не выдали замуж, не спасли и не пожалели.

— Вас обеспечили крышей над головой.

— Крышей, под которой исчезают люди?

Штайн промолчал.

Ответ был ясен.

В этот момент карета резко остановилась. Лада по инерции подалась вперёд, но успела ухватиться за ремень у стены. За дверцей послышались голоса. Один — грубый, охранника. Второй — старческий, дрожащий, полный такого страха, что слова слипались между собой.

— Дальше не поеду, господин! Не поеду, хоть режьте! Сами знаете, после третьего столба лошади дуреть начинают. А нынче ещё и сумерки. До ворот довезу — и назад, сразу назад!

— Поедешь, куда приказано, — отрезал охранник.

— Я до ворот сказал! До самых ворот! Внутрь пусть ваши благородия сами заходят. Я к тому дому спиной не повернусь.

Лада отодвинула занавеску.

Дорога впереди уходила к каменному мосту, узкому, горбтому, с двумя обломанными фигурами по бокам. Когда-то, возможно, это были звери или птицы, но дождь и время стерли морды, оставив только вытянутые шеи да намёк на сложенные крылья. За мостом поднимался холм, а на его вершине темнела линия старой стены.

Пока ещё это был только силуэт.

Но даже силуэт выглядел так, будто дом не стоял на земле, а врал в неё, удерживая под собой что-то слишком большое и слишком тяжёлое.

— Приехали? — спросила Лада.

— Почти, — ответил Штайн.

И почему-то именно в его «почти» прозвучало больше угрозы, чем во всех рассказах о прежних владельцах.

Через несколько минут карета снова двинулась. Медленнее. Осторожнее. Лошади фыркали, мотали головами, колёса с трудом переваливали через разбитые камни. Внутри стало темнее; лес с обеих сторон сомкнулся, пропуская лишь узкую полоску серого неба. Ветер принёс запах мокрой хвои, старого камня и чего-то глухого, подземного, словно где-то далеко вскрыли давно запертую кладовую без окон.

Лада собрала документы в стопку и положила себе на колени.

Ей хотелось спросить ещё десяток вещей: есть ли в доме слуги, где ближайшая деревня, кто распоряжается землёй, сколько еды, сколько денег, есть ли замки на дверях, чем топить печи, как пережить северную зиму. Вопросы были простые, земные, хозяйственные, и именно они немного возвращали ей опору.

Паника не поможет. Слезы тоже.

Дом, даже гиблый, сначала надо осмотреть. Людей — пересчитать. Запасы — проверить. Двери — закрыть. Окна — заткнуть от сквозняка. Потом думать о проклятиях, драконах и чужих голосах под землёй.

Наверное, поэтому, когда карета выехала из леса и поместье наконец открылось целиком, Лада не закричала.

Хотя очень многие на её месте закричали бы.

Эйрен-Гард стоял на холме, окружённый низкой каменной стеной, местами разрушенной, местами заросшей чёрным плющом. Дом был огромен, но не величав. В нём не осталось парадной красоты, только упрямая, мрачная сила старого рода, который пережил слишком много смертей и никому не собирался объяснять, почему всё ещё держится.

Высокие окна смотрели на дорогу мутными тёмными стёклами. В одной башне зияла пробоина, похожая на выбитый глаз. Крыша провалилась над левым крылом, и сквозь дыру торчали балки, мокрые и чёрные, как рёбра. За домом виднелся сад — не сад даже, а спутанный лес из голых ветвей, где несколько каменных статуй склонились под дождём, словно просили не входить.

У ворот карета остановилась окончательно.

Кучер спрыгнул с козел так быстро, будто земля под ногами жгла. Охранники тоже не спешили приближаться к створкам. Один из них перекрестился странным знаком — двумя пальцами по груди и к плечу, — а потом сделал вид, что просто поправлял воротник.

Ровен Штайн открыл дверцу.

— Ваше владение, госпожа Вейрхольд.

Лада не сразу вышла.

Она смотрела на дом и впервые за всё время почти физически ощутила, что прежняя Мирана боялась не напрасно. В этом месте было что-то неправильное. Не страшное в обычном смысле — не как заброшенный дом с сырыми углами и крысами в стенах. Нет. Эйрен-Гард казался не пустым, а затаившимся. Он будто видел их. Слушал. Ждал, кто первым отступит.

— Где слуги? — спросила Лада.

Штайн сухо кашлянул.

— В списке числятся управляющий, ключница, две девки с кухни, сторож и конюх.

— Числятся?

— Если не сбежали.

— А если сбежали?

— Тогда дом полностью в вашем распоряжении.

За спиной кучер пробормотал:

— В его распоряжении, скорее.

Лада повернулась.

— В чьём?

Кучер побледнел так быстро, что даже серые сумерки не скрыли этого. Он опустил глаза, замотал головой и принялся поправлять упряжь, хотя с ней всё было в порядке.

Охранник толкнул его локтем.

— Язык придержи.

— Нет, — сказала Лада. — Пусть ответит.

Но кучер уже молчал с тем упрямством, с каким молчат люди, уверенные, что лишнее слово может стоить им не жалованья, а души.

Штайн захлопнул папку.

— Довольно. Мне необходимо получить вашу отметку о прибытии и вернуться до темноты.

— До темноты? — Лада посмотрела на небо, где серые тучи уже слипались с дымной синевой вечера. — Вы очень спешите оставить меня здесь одну.

— Не одну. С вашим имуществом.

Она усмехнулась. Не весело. Скорее от удивления, насколько легко в этом мире жестокость пряталась за канцелярскими словами.

— Откройте ворота.

Охранники переглянулись.

— Госпожа? — переспросил один.

— Ворота. Откройте.

— Может, сначала... — начал Штайн. — Возможно, вы пожелаете осмотреть дом утром. Мы можем оставить вас в сторожке у дороги до рассвета.

Лада внимательно посмотрела на него.

Вот оно. Момент, которого они ждали. Все: секретарь, кучер, охранники, этот мокрый лес, даже чёрные окна дома. Они ждали, что она отступит. Что скажет: нет, я не могу, я боюсь, увезите меня обратно. А потом её отказ, конечно, запишут куда-нибудь красивыми словами, и поместье останется гиблым, а Мирана Вейрхольд — слабой, лишней, удобной для чужих решений.

Лада медленно спустилась с подножки.

Грязь сразу облепила край юбки. Ветер ударил в лицо мокрыми прядями волос, выбившимися из-под капюшона. Она глубже запахнула плащ и почувствовала, как в кармане звякнул старый ключ — тяжёлый, железный, с круглой головкой, на которой был вырезан всё тот же дракон.

Ключ от дома.

Или от ловушки.

— Если я останусь в сторожке, — сказала она, — завтра мне снова предложат не входить. Послезавтра объяснят, что дорога назад уже оплачена. Через неделю кто-нибудь решит, что поместье действительно мне не по силам. Нет, господин Штайн. Мне дали дом без права отказа. Значит, я войду в него без просьбы о разрешении.

Он смотрел на неё так, будто впервые видел не ту женщину, которую вёз сюда.

Может быть, так и было.

Охранники нехотя подошли к воротам. Створки оказались не заперты, но открывались с таким тяжёлым стоном, словно их тревожили после долгого сна. Ржавые петли взвизгнули. Где-то в саду осыпались мокрые ветки. Лошади попятись, кучер едва удержал их поводья.

За воротами начиналась подъездная аллея, выложенная треснувшими плитами. По обеим сторонам стояли голые деревья, их ветви переплетались над дорожкой, образуя тёмный свод. Ни одного огня. Ни одного голоса. Ни одной живой души.

И всё же Лада была почти уверена: дом не пуст.

Она пошла первой.

Каждый шаг давался тяжелее предыдущего, не от слабости, а от странного сопротивления воздуха. Будто само место проверяло её. Плащ лип к ногам, ботинки скользили по мокрому камню, а где-то под землёй, глубоко-глубоко, раздался низкий звук. Не гром. Не обвал. Скорее долгий выдох огромного существа, которому наскучило спать.

Один из охранников выругался и остался у ворот.

Штайн не пошёл вовсе.

— Госпожа Вейрхольд, отметка! — крикнул он ей вслед уже не так уверенно.

Лада остановилась у крыльца.

Ступени были широкие, потемневшие, с выбоинами по краям. На дверях висел железный молоток в виде драконьей головы. Глаза у неё были сделаны из чёрного камня, и дождевые капли стекали по морде так, будто зверь плакал.

Она достала ключ.

Руки всё-таки дрожали. Глупо было бы отрицать. Но дрожь не означала отказа. Иногда дрожат не только от ужаса, но и от момента, после которого назад уже нельзя.

— Я прибыла, — сказала Лада негромко, сама не зная, кому именно: дому, себе, прежней Миране или тому, что дышало под фундаментом. — И я остаюсь.

Ключ вошёл в замок слишком легко.

Щёлкнуло.

Дверь распахнулась сама.

Изнутри пахнуло темнотой, холодным камнем, старым деревом и пеплом давно погасших очагов. За порогом лежал широкий холл, тонущий в сумраке. Где-то высоко под потолком звякнула цепь, хотя ни ветра, ни движения там быть не могло.

Лада переступила порог.

В ту же секунду дверь за её спиной захлопнулась с такой силой, что весь дом отозвался глухим ударом.

Снаружи закричал кучер. Кто-то забарабанил в створки, но звук сразу стал далёким, будто между Ладой и остальным миром легла толстая каменная стена.

На полу перед ней медленно проступил знак.

Сначала тонкая золотистая линия. Потом вторая, третья. Они разгорались прямо в трещинах старых плит, складываясь в круг, башню и дракона, свернувшегося вокруг неё. Свет был не ярким, но живым, тёплым, невозможным в этом мёртвом холле.

Лада замерла.

Сумрак впереди дрогнул.

И из глубины дома, откуда не могло быть ни человека, ни ветра, ни памяти, донёсся низкий шёпот:

— Наконец-то хозяйка вернулась.

Глава 2. Дом, который не пускает чужих

Шёпот не прозвучал громко. Он не ударил по ушам, не разлетелся по холлу эхом, не стал человеческим голосом, которому можно было бы возразить, потребовать ответа или хотя бы понять, откуда он доносится. Он будто поднялся из самого камня — из трещин под ногами, из тёмных стен, из холодного воздуха, который столетиями стоял здесь неподвижно и вдруг вспомнил, как дышать.

Лада замерла на светящемся знаке.

За спиной, там, где только что была дверь, продолжали стучать. Сначала яростно, потом всё глуше и глуше, будто внешняя сторона дома отодвигалась от неё вместе с людьми, каретой, мокрой дорогой, Ровеном Штайном и прежней жизнью Мираны Вейрхольд. Ещё несколько мгновений она слышала крики, но слов разобрать уже не могла. Дом не просто закрыл дверь. Он словно опустил между ней и миром тяжёлую, невидимую завесу.

Лада медленно повернулась.

Дверь была на месте — высокая, тёмная, окованная железом, с тем самым молотком в виде драконьей головы. Она выглядела обычной старой дверью, если не считать того, что ни щелей, ни ручки с внутренней стороны Лада не увидела. Только гладкое потемневшее дерево, будто входа никогда не существовало.

— Очень мило, — сказала она негромко, больше для себя, чем для дома. — Значит, сначала впустили, а теперь решили проверить, как я отношусь к запертым дверям?

Ответом стал тихий скрип где-то в глубине.

Не шаг. Не голос. Просто старый дом чуть заметно повёл плечом, как живое существо, которому не понравилось, что с ним разговаривают без должного почтения.

Лада заставила себя вдохнуть ровнее. Холодный воздух обжёг горло, пахнул пылью, мокрым камнем, старым пеплом и чем-то едва уловимым — не запахом, скорее воспоминанием о давно погасшем тепле. Светящийся знак под ногами медленно тускнел. Линии дракона, обвившего башню, уходили обратно в трещины плит, но не исчезали полностью; в самой глубине камня оставалось слабое золотистое тление, похожее на угли под серым пеплом.

Она опустила взгляд на свои руки. Пальцы дрожали, но слушались. Уже хорошо.

В прежней жизни Лада не считала себя бесстрашной. Она не прыгала с мостов ради красивых фотографий, не любила тёмные подвалы, старалась не ходить по пустым улицам ночью и всегда проверяла, закрыта ли дверь. Но страх, как выяснилось, бывал разным. Один ломал, лишал голоса и превращал в беспомощную тень. Другой, наоборот, делал зрение острее, слух внимательнее, мысли — холоднее.

Сейчас ей достался второй.

— Так, — произнесла она уже твёрже. — Если ты дом, а не чья-то дурная шутка, то слушай внимательно. Я здесь не потому, что мечтала о северных развалинах и разговорах с полом. Меня сюда привезли. Но раз уж привезли и раз уж ты сам назвал меня хозяйкой, начнём с простого: хозяйку в собственном доме не запирают.

Где-то высоко под потолком снова звякнула цепь.

Лада подняла голову.

Холл постепенно проступал из темноты. Потолок терялся вверху, где тяжёлые балки пересекались, как рёбра огромного зверя. По стенам висели потемневшие от времени гобелены; на одном из них ещё угадывался силуэт чёрной башни, на другом — крылья, распахнутые над заснеженным лесом. Между гобеленами темнели пустые рамы. В них не было портретов, только бледные прямоугольники на обоях, словно лица прежних хозяев вырезали и унесли прочь.

Широкая лестница поднималась на второй этаж двумя рукавами. Перила были покрыты пылью, но не разрушены. На нижней ступени лежала сухая ветка, хотя ни одного дерева внутри быть не могло. Справа открывался проход в длинный коридор, слева — арка, за которой угадывался зал с холодным камином. В глубине холла стояли несколько сундуков, один перевёрнутый стул и старый канделябр без свечей.

Лада сделала шаг.

Дом отозвался едва слышным вздохом. Не угрожающим, нет. Скорее настороженным. Будто он тоже не знал, что делать с женщиной, которая не закричала, не упала, не принялась колотить в дверь, а начала рассматривать обстановку.

Снаружи снова донёсся удар, на этот раз сильнее. Потом голос Штайна, искажённый стеной:

— Госпожа Вейрхольд! Откройте немедленно!

Лада обернулась к двери.

— С удовольствием, — сказала она. — Как?

Дверь молчала.

— Вот и я о том же.

В этой нелепой фразе вдруг оказалось столько обычной, почти бытовой раздражённости, что Лада сама едва не рассмеялась. Но смех застрял где-то в груди. Она не дома. Не в своей квартире. Не в своём мире. Перед ней мрачный холл проклятого поместья, за спиной — запёртая дверь, в кармане — документы на имущество, которое все считали наказанием, а под ногами — знак дракона, только что вспыхнувший от её появления.

Смех подождёт.

Сначала — осмотр.

Она подобрала край мокрой юбки и направилась к ближайшему канделябру. В нём оставались огарки — кривые, сероватые, покрытые пылью. Лада осторожно коснулась одного пальцем. Сухой. Значит, можно зажечь, если найдётся огонь. В карете у Штайна наверняка были фонари, у охранников — дорожные огни, но всё это осталось снаружи, за дверью, которая решила, что хозяйке полезно познакомиться с домом в темноте.

— Отличное гостеприимство, — пробормотала Лада.

В ответ где-то слева тихонько щёлкнуло.

Она резко повернулась.

За аркой, в зале с камином, вспыхнул крохотный огонёк. Не пламя в очаге, не свеча, а узкая золотая точка на стене, похожая на светлячка. Потом вторая. Третья. Они загорались одна за другой вдоль коридора, не освещая всего пространства, но обозначая путь.

Лада смотрела на них, не двигаясь.

— Ты предлагаешь мне идти туда?

Огоньки дрогнули.

Она могла бы остаться у двери и ждать, пока снаружи придумают, как её вытащить. Могла бы забиться в угол и до утра убеждать себя, что всё это сон. Могла бы закричать, потребовать, чтобы дом немедленно объяснил правила, если уж он такой разговорчивый.

Но ни один из этих вариантов не давал ей главного — понимания, куда она попала.

Лада медленно пошла к арке.

Зал оказался больше, чем казался из холла. Когда-то здесь, вероятно, принимали гостей: стены всё ещё хранили следы былой роскоши, под пылью угадывался резной карниз, у камина стояли два тяжёлых кресла, а на полу темнел огромный ковёр, выцветший до цвета старой крови. Но всё было заброшено, перекошено, оставлено в спешке. На одном кресле лежала мужская перчатка, высохшая и сморщенная. На столике рядом — пустая чашка с трещиной. У окна валялась штора, сорванная вместе с деревянным кольцом.

Люди не просто ушли отсюда. Они уходили быстро.

Лада подошла к камину. Очаг был широким, почти в человеческий рост, выложенным чёрным камнем. Над ним висел герб: башня, обвитая драконом. Тот же знак. Вблизи дракон казался не грозным, а усталым. Его голова лежала на крыше башни, когти вцепились в стены, крылья были сложены, будто он не нападал, а защищал.

— Ты везде, — тихо сказала Лада, глядя на герб. — Кто ты такой?

Откуда-то из стены донёсся шорох.

Не шёпот. Скорее движение сухой ткани по камню.

Лада обернулась и увидела, как на дальнем конце зала приоткрылась низкая дверь, почти скрытая за порванным гобеленом. За ней не было темноты. Там мерцал ещё один золотой огонёк, терпеливый, зовущий и совершенно невозможный.

Она устало закрыла глаза на секунду.

— Конечно. Тайная дверь. Куда же без неё в гиблом поместье.

Снаружи ударили снова. На этот раз отдалённо, совсем глухо. Дом словно не хотел, чтобы она отвлекалась.

Лада подошла к низкой двери, но входить сразу не стала. Наклонилась, посмотрела на пол. Пыль лежала ровным слоем, однако у самого порога виднелись следы. Не её. Узкие, маленькие, будто здесь недавно прошёл ребёнок или очень хрупкий человек. Следы уходили внутрь и пропадали на тёмных досках.

Сердце неприятно сжалось.

Слуги, числящиеся в списке. Управляющий, ключница, две девки с кухни, сторож и конюх. Если не сбежали.

А если не сбежали?

Если кто-то всё ещё был в доме?

— Эй, — позвала Лада негромко. — Здесь есть кто-нибудь?

Дом впитал её голос.

В ответ — ничего.

Она взяла с каминной полки длинную кочергу. Железо было холодным, тяжёлым, зато настоящим. С такой опорой идти по чужому дому стало чуть легче, хотя Лада прекрасно понимала: против магии стен кочерга поможет примерно так же, как вежливая просьба — против северного ветра.

Низкая дверь вела не в подземелье, как она опасалась, а в узкий служебный коридор. Потолок здесь был ниже, стены проще, без гобеленов и резьбы. Пахло сырой извести, пылью и старым деревом. Золотые огоньки скользили впереди, загораясь на медных держателях, где когда-то стояли свечи.

Лада шла медленно, считая повороты.

Первый коридор направо. Три двери слева. Узкое окно с трещиной. Лестница вниз. Ещё одна дверь, приоткрытая.

Хозяйка должна знать свой дом.

Это было почти смешно, потому что дом, судя по всему, пока знал её куда лучше, чем она его. Но именно эта мысль удерживала Ладу от паники. Если Эйрен-Гард не убил её сразу, не напал, не обрушил потолок, а зажёл огни и повёл куда-то — значит, у него была цель. Вопрос только в том, совпадала ли эта цель с её выживанием.

За приоткрытой дверью оказалась кухня.

Огромная, тёмная, с низкими сводами и длинным столом посередине. Здесь было холодно, но не мертво. На столе стоял глиняный кувшин, рядом лежал нож, в углу висели связки высохших трав, давно потерявших запах. В большом очаге чернели угли, старые, серые, но сложенные аккуратно, словно кто-то ещё недавно пытался поддерживать порядок. На полке у стены рядком стояли миски. Не разбитые. Не брошенные в спешке. Вымытые.

Лада медленно опустила кочергу.

— Значит, кто-то всё-таки есть.

Слова ещё не успели раствориться, когда из-под стола раздался тихий всхлип.

Лада замерла.

Потом очень осторожно опустилась на корточки, стараясь не делать резких движений. Под длинной скатертью, выцветшей и обтрепанной по краю, в темноте блеснули испуганные глаза.

— Не бойся, — сказала Лада мягко. — Я не трону тебя.

Глаза исчезли. Кто-то под столом сжался глубже к стене.

Лада не стала лезть следом. Она просто села прямо на холодный пол, хотя мокрая юбка тут же неприятно прилипла к коленям. Если под столом ребёнок, загнанный страхом в угол, то нависающая сверху незнакомая женщина с кочергой — последнее, что поможет.

— Меня зовут Лада, — произнесла она и только потом спохватилась.

Не Лада. Здесь она Мирана Вейрхольд.

Но слово уже вылетело. Странно, однако дом не возмутился, не скрипнул, не захлопнул дверцы шкафов. В кухне стало даже чуть тише, будто стены прислушались к настоящему имени.

— Для всех остальных, наверное, Мирана, — добавила она после паузы. — Но если ты сидишь под столом в доме, который сам закрывает двери, думаю, мы можем начать знакомство честнее.

Под столом молчали.

— Я только приехала. Ничего здесь не знаю. Мне сказали, что слуги могли сбежать, а дом считается гиблым. Ещё мне сказали, что прежние владельцы исчезали или сходили с ума. Прекрасная реклама, согласна.

Тишина.

Лада продолжила, глядя не под стол, а на очаг, чтобы не пугать невидимого собеседника пристальным вниманием:

— Снаружи стоит неприятный человек по имени Ровен Штайн. Он очень хочет получить мою отметку о прибытии и уехать до темноты. Дверь, как видишь, решила иначе. Я не уверена, кто здесь главный: Штайн, дом, дракон на гербе или ты под столом. Но пока я хозяйка только на бумаге. А на деле мне бы понять, есть ли в доме живые люди и не собирается ли потолок упасть нам на головы.

После этих слов скатерть дрогнула.

Из-под стола показалась худая девочка лет десяти, может, одиннадцати. Волосы у неё были тёмные, спутанные, подол простого платья измазан золой, а на лице застыло такое недоверие, что Лада сразу поняла: этот ребёнок слишком давно привык ждать плохого.

— Потолок в кухне не падает, — сказала девочка хрипло. — В синей гостиной падает. Если громко говорить.

Лада очень серьёзно кивнула.

— Ценная информация. Спасибо. Буду избегать громких разговоров в синей гостиной.

Девочка моргнула. Кажется, она не ожидала, что взрослая госпожа воспримет её слова не как глупость.

— Как тебя зовут? — спросила Лада.

— Нисса.

Имя прозвучало почти шёпотом.

— Ты здесь одна, Нисса?

Девочка сразу опустила глаза.

Вот и ответ.

— Не одна, — сказала Лада. — Хорошо. Кто ещё?

Нисса молчала так долго, что за окном успел глухо ударить ветер. Стёкла в маленькой кухонной раме задребезжали, по полу пробежала тонкая полоска сырого света.

— Вы новая хозяйка? — наконец спросила девочка.

— Похоже на то.

— Тогда вы не должны спрашивать. Хозяйки приказывают.

Лада посмотрела на неё внимательнее.

— А старые хозяйки часто приказывали?

Нисса поджала губы.

— Старые хозяйки недолго оставались.

В этих словах не было угрозы. Только усталое знание, которое ребёнок не должен был носить в себе.

Лада поднялась с пола, поставила кочергу у стола и медленно сняла мокрый плащ. Под ним платье тоже оказалось чужим, неудобным, слишком тесным в плечах, но хотя бы не таким тяжёлым. Плащ она повесила на спинку стула, потом подошла к очагу и присела перед ним.

— В доме есть сухие поленья?

Нисса смотрела на неё как на странную.

— Есть.

— Где?

— В кладовой за кухней. Но очаг не разгорается.

— Совсем?

— Только если дом позволит.

Лада повернула голову к гербу, вырезанному на каменной плите сбоку от очага. Маленький дракон здесь был почти стёрт, но башня ещё угадывалась.

— Дом, — сказала она спокойно, — я мокрая, замёрзшая и очень не люблю, когда меня держат в темноте. Если ты хотел хозяйку, тебе придётся смириться с тем, что хозяйка начнёт с огня.

В очаге что-то тихо щёлкнуло.

Серые угли шевельнулись сами собой, будто под ними прошёл слабый ветер. Нисса отпрянула, но Лада не двинулась. Она смотрела, как в глубине пепла проступает тонкая золотая жилка. Маленькая, робкая, но живая. Через мгновение над углями поднялся первый язычок пламени.

Не яркий. Не магически величественный. Обычный, тёплый, почти домашний.

И именно от этого у Лады неожиданно защипало глаза.

Она не позволила себе расплакаться. Только протянула ладони к огню и почувствовала, как холод постепенно отступает от пальцев.

— Вот видишь, — сказала она Ниссе, стараясь говорить ровно. — С домами иногда можно договориться.

Девочка смотрела на пламя так, словно увидела чудо и опасность одновременно.

— Он вас слушает.

— Пока не уверена. Может, просто проверяет.

— Он никого не слушал после лорда Эйрена.

Лада медленно подняла взгляд.

— Лорда Эйрена?

Нисса сразу закрылась, будто сказала лишнее. Плечи поднялись, губы сжались, глаза снова стали испуганными.

Лада не стала давить. Не сейчас. В этом доме, похоже, каждая тайна была как старая доска: наступишь резко — провалишься.

— Хорошо, — сказала она. — Сначала простые вещи. Кто ещё в доме?

Нисса переминалась с ноги на ногу.

— Старая Хенна. Она ключница. Только она не выходит к чужим. Сторож Брам спит в башне у ворот, но сегодня ушёл к стене, потому что услышал карету. Конюха нет. Ушёл три дня назад и не вернулся. Кухарка... тоже ушла. Все уходят.

— А ты почему осталась?

Девочка пожала плечами, но получилось слишком напряжённо.

— Мне некуда.

Лада кивнула, не задавая следующего вопроса. Пока достаточно.

В кухне становилось светлее. Пламя в очаге набирало силу, по стенам потянулись тёплые блики, и помещение перестало казаться мёртвым. Теперь стали заметны детали: треснувшая, но чисто выскобленная столешница, аккуратно сложенные тряпки у ведра, мешок с чем-то зерновым у стены, стопка дров в нише, старый медный котёл, почерневший от времени. Кто-то здесь всё же поддерживал жизнь — тихую, осторожную, почти подпольную.

— Нам нужно открыть дверь, — сказала Лада. — Там снаружи люди.

Нисса резко мотнула головой.

— Нельзя.

— Почему?

— Дом не пустит.

— Меня он пустил.

— Потому что вы хозяйка.

— А их не пустит?

— Чужих — нет.

Лада вспомнила стук, голос Штайна, отдалившийся так, будто его унесло под воду. В груди стало тревожно, но вместе с тревогой пришла новая мысль. Если дом не пускал чужих, значит, он не был просто ловушкой. Он защищался. От кого? От всех? От Штайна? От людей драконьего наместника? От тех, кто когда-то уже пытался войти?

— А как он решает, кто чужой? — спросила она.

Нисса смотрела на огонь.

— По крови. По ключу. По клятве. По тому, кто пришёл забрать, а кто пришёл остаться.

Последние слова девочка произнесла не своим голосом.

Лада это почувствовала сразу.

Не потому, что голос изменился резко. Нет. Он остался детским, тихим. Но в нём вдруг появилась глубина, как если бы за спиной Ниссы на мгновение встали все стены, подвалы, лестницы и пустые комнаты Эйрен-Гарда.

Пламя в очаге качнулось.

— Нисса, — осторожно сказала Лада.

Девочка моргнула, будто очнулась, и испуганно прижала ладони ко рту.

— Я не хотела.

— Всё хорошо.

— Я не хотела говорить его словами.

Лада медленно выпрямилась.

Его.

Не дома. Его.

Но спрашивать прямо снова было рано. Девочка и так дрожала, а Лада не собиралась превращаться в очередную хозяйку, которую здесь будут бояться больше, чем тёмных коридоров.

— Тогда покажи мне, где можно умыться, переодеться во что-то сухое и найти свечи, — сказала она. — А потом мы вместе попробуем объяснить дому, что снаружи стоит человек с моими бумагами, и хотя он мне не нравится, документы лучше забрать.

Нисса смотрела на неё с недоверием.

— Вы не будете кричать?

— В синей гостиной точно нет. Ты же сказала, там потолок падает.

На этот раз девочка почти улыбнулась. Совсем чуть-чуть, одним уголком губ, но для этой кухни, этого вечера и этого дома это было уже событие.

Они вышли из кухни через другую дверь. Нисса несла маленький фонарь, который зажёгся от очага без всяких усилий, стоило ей поднести фитиль к пламени. Свет был тусклым, медовым, и в нём служебные коридоры выглядели не такими пугающими. Пыль по-прежнему лежала в углах, сквозняк по-прежнему тянул по полу, но теперь Лада замечала не только запустение. Она видела крепкие стены, широкие кладовые, добротные петли на дверях, каменные полки, сухие ниши для припасов. Этот дом можно было вернуть к жизни. Не быстро, не легко, не одной красивой фразой, но можно.

Если он не съест её раньше.

— Здесь кладовая, — шепнула Нисса, показывая на дверь. — Там крупы, сушёные яблоки, немного муки. Мяса нет. Сыр забрала кухарка, когда уходила. Ещё есть подвал, но туда лучше не ходить.

— Почему?

— Там стены разговаривают чаще.

Лада решила, что подвал подождёт.

Они миновали узкую лестницу и вышли в боковой коридор, откуда через приоткрытую дверь виднелся холл. Главная дверь по-прежнему была закрыта. Стук снаружи прекратился. Это было хуже, чем если бы он продолжался.

Лада подошла ближе.

— Господин Штайн! — позвала она.

Ответа не было.

— Ровен Штайн!

Тишина.

Она приложила ладонь к дереву. Дверь оказалась тёплой. Не как нагретая солнцем — солнца здесь не было. Скорее как живая кожа. Лада тут же убрала руку, но не от отвращения, а от неожиданности.

— Открой, — сказала она.

Дверь не шелохнулась.

— Я понимаю, что ты не любишь чужих. Я тоже не в восторге от некоторых людей снаружи. Но мои документы остались у секретаря. Без них я здесь даже на бумаге никто. Если хочешь хозяйку, мне нужны бумаги.

Дом молчал.

Нисса стояла в нескольких шагах позади и смотрела на Ладу так, будто та совершала что-то одновременно храброе и глупое.

— Он не откроет, — прошептала девочка. — Не сейчас.

— Почему?

— Потому что они не ушли.

Лада снова посмотрела на дверь.

Снаружи действительно что-то было. Не стук, не голоса — присутствие. Как если бы за створками стояли люди и старались не дышать. Лада едва не позвала снова, но в последний миг остановилась.

Если это Штайн, почему он молчит?

Если охранники — почему не ругаются?

Если кучер — почему лошади не слышны?

От холла влево уходил узкий коридор к окнам. Лада быстро подошла туда, нашла ближайшее окно и попыталась выглянуть. Стекло было мутным от грязи и дождя, но сквозь него угадывался двор, крыльцо, часть подъездной аллеи.

Карета стояла у ворот.

Лошади нервно переступали, один охранник держал поводья, второй спорил с кучером. Ровен Штайн был у крыльца. Он держал папку под плащом, чтобы не намокла, и смотрел не на дверь, а выше — на окна второго этажа.

Лада проследила за его взглядом.

В окне над главным входом кто-то стоял.

Высокая тень. Неподвижная. Слишком ровная для шторы, слишком тёмная для отражения.

Лада почувствовала, как холод, только отступивший у кухонного очага, снова коснулся спины.

— Нисса, — тихо сказала она, не отрывая взгляда от окна. — Кто живёт на втором этаже? Девочка не ответила.

Лада повернулась.

Нисса побледнела так сильно, что веснушки на её носу стали почти чёрными.

— Никто, — прошептала она. — После лорда Эйрена там никто не живёт.

Снаружи Ровен Штайн вдруг сделал шаг назад. Потом ещё один. Его лицо даже через грязное стекло показалось Ладе серым. Он что-то резко сказал охранникам, махнул рукой к воротам, и люди засуетились. Кучер вскочил на козлы так поспешно, что едва не сорвался. Охранники вскочили следом, один всё ещё оглядывался на дом.

Карета развернулась.

— Они уезжают, — сказала Лада.

Нисса подбежала к окну, но тут же отпрянула, словно боялась, что снаружи её заметят.

— До темноты все уезжают.

— А бумаги?

Вместо ответа в холле что-то упало.

Тяжело. Глухо.

Лада вздрогнула и поспешила обратно.

На полу перед главной дверью лежала кожаная папка Ровена Штайна.

Та самая, которую он прижимал к себе всю дорогу и которую несколько минут назад держал снаружи под плащом.

Дверь оставалась закрытой.

Лада медленно подошла к папке и подняла её. Кожа была мокрой по краям, но сами бумаги внутри остались сухими. На верхнем листе появилась новая отметка — золотой след в виде башни, обвитой драконом. Такой печати раньше не было.

Нисса ахнула.

— Дом признал.

— Что признал?

Девочка смотрела на папку, потом на Ладу, потом снова на папку.

— Вас.

Это слово прозвучало не как поздравление. Скорее как приговор, который просто оказался не смертным, а каким-то другим, более сложным.

В холле потемнело. Вечер за окнами сгущался быстро, по-северному резко, без мягких сумерек. Золотые огоньки на стенах дрожали, словно уставали держать тьму на расстоянии. Где-то в глубине дома послышался протяжный скрип, и Лада поняла, что это не дверь и не половица.

Это открывалось что-то большое.

На втором этаже.

Нисса схватила её за рукав.

— Не ходите туда.

Лада посмотрела на лестницу.

На верхней площадке, там, где минуту назад никого не было, теперь лежала тонкая полоска света. Не тёплого, как в кухне, а бледного, серебристого. Он вытекал из приоткрытой двери и медленно расползлся по ступеням, будто луна пролилась внутрь дома.

— Там кто-то есть, — сказала Лада.

— Там он.

— Лорд Эйрен?

Нисса закрыла глаза.

В тот же миг по дому прошёл низкий, глубокий гул. Пламя в кухне, невидимое отсюда, должно быть, вспыхнуло сильнее, потому что по коридору пробежал тёплый отблеск. Дракониный знак на папке в руках Лады ответил слабым золотым светом.

А с верхнего этажа, из-за приоткрытой двери, донёсся уже знакомый шёпот.

На этот раз в нём не было приветствия.

Только предупреждение.

— Хозяйка пришла. Чужая кровь у ворот. Старый долг проснулся. Закрой дом, пока север не узнал, что ты жива.

Глава 3. Первый приказ хозяйки

Эти слова не упали в тишину — они словно прошли по всем стенам разом, задели лестничные перила, старые гобелены, пустые рамы, застывший воздух холла и вернулись к Ладе уже не шёпотом, а ощущением: поздно, опасность рядом, времени меньше, чем кажется.

Нисса всё ещё держала её за рукав.

Детские пальцы сжались так крепко, что ткань платья натянулась, но Лада не стала высвобождаться. В этом жесте было не только желание остановить новую хозяйку, не пустить её на второй этаж, не дать ей приблизиться к той серебристой полоске света. В этом жесте было отчаянное, почти беззвучное: останьтесь здесь, не исчезайте, как исчезали остальные.

Лада посмотрела на лестницу.

Приоткрытая дверь наверху не двигалась. Свет за ней не становился ярче, не гас, не манил теперь так явно, как минуту назад. Он просто лежал на ступенях холодной полосой, словно дом показал ей край чужой тайны и тут же напомнил: прежде чем задавать вопросы мёртвым или тем, кто притворяется мёртвым, надо разобраться с живыми.

Чужая кровь у ворот.

Она резко повернулась к окну.

За мутным стеклом двор уже тонул в сумерках. Карета исчезала за аллеей, её фонарь качался между чёрными стволами, как огонёк болотной приманки. Ровен Штайн всё-таки уехал. Уехал слишком быстро, слишком испуганно, бросив папку, которую до этого прижимал к себе так, будто в ней лежало его собственное сердце.

Но предупреждение говорило не о нём. Или не только о нём.

— Нисса, — тихо спросила Лада, не отрывая взгляда от тёмного двора, — в этих местах бывают разбойники?

Девочка сглотнула.

— Бывают те, кто хуже.

Ответ был детский, но не наивный. Лада медленно выдохнула, а затем опустила взгляд на кожаную папку с документами. Золотой знак башни и дракона на верхнем листе больше не светился, но казался выжженным в бумаге. Дом признал её. Дом предупредил её. Дом пока слушал её, когда речь шла об огне.

Значит, пора проверить, будет ли он слушать хозяйские приказы.

— Где здесь задвижки? — спросила она.

Нисса растерянно моргнула.

— Что?

— На воротах, дверях, ставнях. Чем закрывают дом на ночь?

Девочка посмотрела на главную дверь, затем на лестницу, потом снова на Ладу, будто вопрос был слишком обычным для такого вечера.

— Главную дверь никто не закрывает изнутри. Она сама.

— Это мы уже заметили. Остальные входы?

— Через кухонный двор есть задняя дверь. Ещё дверь в старые мастерские, но она заложена бочками. Из зимнего сада можно выйти к колодцу, только туда ночью нельзя. В стене у конюшни пролом. Брам говорил, что заделает, но у него руки до всего не доходят. Ворота закрываются цепью, если цепь не унесли.

— Кто мог унести цепь?

— Те, кто уходил.

Лада кивнула. Не потому, что ответ её устроил, а потому что другого ответа пока не было.

Она оглядела холл уже не как женщина, очнувшаяся в чужом мире, а как человек, которому достался огромный, тёмный, опасный дом с дырявой обороной, испуганным ребёнком,

неизвестной ключницей, отсутствующим конюхом, сторожем неизвестно где и чем-то странным на втором этаже. И если она сейчас побежит к серебристой двери, дом, возможно, расскажет ей красивую страшную историю. А если она не закроет ворота, история закончится раньше, чем начнётся.

— Значит, так, — сказала Лада.

Она произнесла это не громко, но в холле почему-то стало тише. Даже лестница, казалось, перестала скрипеть сама по себе.

Нисса подняла на неё глаза.

— Сейчас мы не идём наверх, — продолжила Лада. — Не лезем в подвал, не открываем таинственные двери и не выясняем, кто говорит чужими голосами. Сначала закрываем дом. Потом собираем всех, кто здесь живёт. Потом выясняем, что у нас с едой, водой, дровами, окнами, крышей и спальными местами. Потом уже будем разбираться с долгами, севером и лордом Эйреном.

Последнее имя словно зацепило воздух.

С верхнего этажа донёсся тихий скрип. Полоска серебристого света дрогнула, но дверь не открылась шире.

Лада подняла голову.

— И да, — добавила она, обращаясь уже к дому, хотя прекрасно понимала, как это выглядит со стороны. — Если ты хотел хозяйку, привыкай. Хозяйка сначала считает запасы и закрывает двери, а уже потом беседует с семейными тайнами.

Где-то в глубине стен прошёл низкий, недовольный звук. Нисса втянула голову в плечи, но Лада не отступила.

Ей было страшно. Очень. В этом доме страх становился почти осязаемым: цеплялся за подол, прятался в тёмных углах, дышал из-за закрытых дверей, перекашивался под глухим ворчанием. Но вместе с ним в Ладе поднималось другое чувство — не смелость даже, а упрямое хозяйское раздражение. Её бросили сюда как ненужную вещь. Дом встретил её как давно ожидаемую. Север, судя по предупреждению, мог захотеть узнать, что она жива.

Прекрасно.

Только больше никто не будет решать за неё, когда ей бояться, куда идти и как умирать.

— Нисса, веди к кухонному двору.

— Но...

— Ты знаешь дорогу?

— Да.

— Тогда веди. Фонарь держи перед собой. Если что-то в коридоре покажется неправильным, сразу говори. И больше не шепчи. Шёпот в таком доме пугает сильнее крика.

Девочка судорожно кивнула, прижимая фонарь к груди. Свет медовыми пятнами лёг на её худое лицо, выхватил из темноты большие глаза, испачканный золой подбородок и старенькую тесьму на воротах платья. Лада вдруг подумала, что Нисса, похоже, давно не слышала, чтобы взрослый не только спрашивал её, но и принимал ответы всерьёз.

Они пошли через боковой коридор.

Дом провожал их звуками. Не теми, что бывают в любом старом здании, когда дерево остывает, а камень отдаёт дневную сырость. Нет, Эйрен-Гард слушал. То впереди тихо постукивала ставня, хотя за окном не было сильного порыва ветра. То где-то справа вздыхали балки. То под ногами вдруг становилось теплее, будто пол помнил, куда ведут живых, а куда лучше не сворачивать.

Лада старалась не пропускать деталей.

Слева — дверь с облезлой зелёной краской, из-под неё тянет сыростью. Справа — узкая ниша для свечей, пустая, но чистая. На стене царапины на уровне детской руки. У поворота —

следы копоты, будто когда-то здесь горел факел. В окне — трещина крестом, надо будет чем-то закрыть, иначе к утру в коридоре станет совсем ледяно.

Странно, но обычные бытовые мысли не мешали страху, а укрощали его. Пока Лада замечала щели, поленья, ставни, ведро у стены и перекошенную петлю, дом переставал быть сплошным чудовищем. Он становился задачей. Сложной, огромной, живой, с характером, но всё же задачей.

— Здесь, — прошептала Нисса у низкой двери.

Лада посмотрела на неё.

Девочка поспешно поправилась:

— Здесь задний выход.

Дверь в кухонный двор была узкой, окованной двумя полосами железа. На ней висели три задвижки. Верхняя держалась крепко. Средняя была перекошена. Нижняя отсутствовала вовсе, оставив в дереве тёмный прямоугольный след и две ржавые дырки от гвоздей.

— Кто снял нижнюю? — спросила Лада.

— Не знаю.

— Нисса.

Девочка опустила глаза.

— Конюх. Он говорил, что железо всё равно зря пропадает, раз дом скоро закроют. Потом ушёл.

— Ушёл один?

— С мешком.

— Ясно.

Лада провела пальцами по следу от задвижки. Внутри поднялось неприятное, но очень знакомое чувство. Так бывает в домах, где люди уже перестали считать пространство общим: один уносит железо, другая забирает сыр, третий не чинит пролом, четвёртый делает вид, что ничего не видит. Дом гибнет не за один день. Его сначала мысленно бросают, потом начинают разбирать по кускам, потом удивляются, почему стены больше никого не держат.

Она подняла верхнюю задвижку и опустила её в паз. Металл вошёл с трудом, со скрежежом, но вошёл. Среднюю пришлось приподнять обеими руками. Нисса молча поставила фонарь на пол и помогла. Задвижка сопротивлялась, пальцы скользили по холодному железу, дерево под ними было влажным, но через несколько мгновений щеколда всё же села на место.

Снаружи что-то шуршало.

Лада замерла.

Не дождь. Не ветка. Звук был ниже, осторожнее. Как если бы кто-то медленно провёл ладонью по наружной стороне двери.

Нисса стала совсем белой.

— Не открывайте.

— Я и не собиралась.

— Они иногда проверяют.

— Кто?

Девочка молчала.

По ту сторону двери шорох повторился. Потом раздался едва слышный стук — не кулаком, а ногтем или когтем. Один раз. Второй. Третий.

Лада стояла не двигаясь, чувствуя, как каждая мышца в теле натягивается. Спросить «кто там?» казалось такой глупостью, что она сдержала слова у самых губ. Если там человек, он ответит сам. Если не человек — тем более не стоит подсказывать, что внутри его слушают.

Стук прекратился.

Нижняя часть двери вдруг потемнела, и из щели у порога потянуло холодом. Не обычным сквозняком, а тонкой, неприятной струйкой, от которой пламя в фонаре вытянулось в синеватую нить. Лада шагнула ближе и увидела, как тень под дверью пытается просочиться внутрь.

Не дым. Не вода. Именно тень — густая, вязкая, почти живая.

— Дом, — сказала Лада спокойно, хотя сердце колотилось так, что голос едва не дрогнул. — Я сказала: закрываемся.

На стене над дверью вспыхнул драконий знак.

Неяркий, но злой. Золотая линия прошла по косяку сверху вниз, затем по полу, под дверью, через щель, и тень снаружи отдёргнулась так резко, будто её хлестнули огнём. За дверью раздался короткий звук — не вскрик, не рычание, а что-то среднее, мокрое и злое.

Нисса всхлипнула.

Лада выдохнула только тогда, когда холод исчез.

— Хорошо, — сказала она, глядя на знак. — Вот так уже лучше.

Дом не ответил, но в коридоре стало заметно теплее.

Они проверили кладовую, маленькую дверь к чёрной лестнице, ставни у кухонного окна и задвижку на проходе к мастерским. Дверь в мастерские действительно оказалась заложена бочками, но бочки стояли беспорядочно, и между ними оставалась щель, через которую мог бы протиснуться ребёнок или худой человек. Лада заставила Ниссу поставить фонарь на каменную полку и сама начала двигать первую бочку.

Она оказалась тяжёлой, с разбухшими от сырости обручами. Лада упёрлась плечом, скрипнула зубами, сдвинула её на ладонь, потом ещё на ладонь. Платье мешало, мокрый подол путался в ногах, волосы липли к вискам. Нисса стояла рядом, явно не зная, можно ли хозяйке помогать, если хозяйка сама толкает грязную бочку.

— Не смотри так, — сказала Лада, переводя дыхание. — Бочки сами себя не подвинут.

— Хозяйки так не делают.

— Старые хозяйки недолго оставались, помнишь?

Девочка растерянно моргнула, а потом вдруг поставила фонарь ближе, упёрлась обеими ладонями в бочку и помогла толкнуть. Вместе они сдвинули её к двери, закрывая щель. Потом вторую. Потом нашли тяжёлый ящик с проржавевшими петлями и поставили сверху, чтобы бочки не откатились.

Работа была грубой, неудобной, совершенно не похожей на то, с чего, наверное, должна начинаться новая владелица родового поместья. Но когда проход оказался закрыт, Лада почувствовала странное удовлетворение. Маленькое. Нелепое. Настоящее.

Первый угол дома стал безопаснее.

Не благодаря печатям, титулам или милости драконьего наместника. Благодаря двум парам рук, фонарю и упрямству.

— Теперь пролом у конюшни, — сказала она.

Нисса испуганно посмотрела на неё.

— Туда надо через двор.

— Значит, возьмём что-нибудь тёплое.

— Ночью во двор нельзя.

— Почему?

— Потому что от сада приходят голоса.

Лада посмотрела на тёмное окно. За стеклом больше не было видно даже двора, только собственное отражение — бледное лицо Мираны Вейрхольд, чужие глаза, волосы, выбившиеся из причёски, и маленькая Нисса с фонарём за плечом. Где-то там, в темноте, оставалась стена с проломом. Если предупреждение о чужой крови у ворот было не пустым, пролом мог стать приглашением.

— Тогда пойдём не одни, — решила Лада.

— С кем?

— С Брамом. Ты сказала, сторож ушёл к стене.

— Если он вернулся.

— Если не вернулся, будем знать, что у нас проблема.

Нисса явно хотела сказать, что проблема у них уже есть, но промолчала.

До башни у ворот они шли через длинный нижний коридор, который оказался холоднее всех прежних. Здесь стены были не оштукатурены, а сложены из серого камня, швы между плитами местами почернели от сырости. Фонарь выхватывал из темноты старые крюки, закрытые двери, пустую стойку для копий, несколько шербатов щитов на стене. Один щит был перевернут, и на его обратной стороне кто-то нацарапал ножом: «Не открывай после заката».

Лада остановилась.

— Это про какую дверь?

Нисса проследила за её взглядом и тихо сказала:

— Про любую.

Очень обнадеживающе.

Ближе к башне стало слышно ворчание. Сначала Лада подумала, что это ветер в трубе, но потом различила слова. Кто-то ругался низким, сиплым голосом, причём ругался не зло, а с тем усталым постоянством, с каким человек разговаривает сам с собой, когда давно не ждёт ответа.

— ...говорил же, не к добру карета. Кто ж в такой вечер приезжает? Только беда на колёсах. А теперь цепь ищи, ставни держи, дом слушай, да ещё новая госпожа, прости северный прах...

Нисса остановилась у арки.

— Брам.

Сторож обнаружился в маленьком помещении у бокового выхода. Он был широкоплечий, седой, с тяжёлой бородой и кривой походкой. На нём висела старая куртка, подпоясанная верёвкой, в одной руке он держал фонарь, в другой — связку железных скоб. Увидев Ладу, он замолчал так резко, будто ему на язык наступили.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга.

Брам первым отвёл глаза, но поклона не сделал. Только нахмурился и пробормотал:

— Значит, не показалось.

— Что именно? — спросила Лада.

— Что дом снова огни зажёг.

— Зажёг. И двери закрыл. А ещё предупредил, что у ворот чужая кровь и надо закрыть дом, пока север не узнал, что я жива.

Брам медленно поднял на неё глаза.

Нисса пискнула:

— Госпожа...

— Что? — Лада посмотрела на девочку. — Если он сторож, ему лучше знать, что происходит. Если он не сторож, нам тем более надо это выяснить.

Брам неожиданно хрипло усмехнулся.

— Хозяйская речь.

— Придётся привыкать. Вы Брам?

— Был им с утра.

— Отлично. Я Мирана Вейрхольд. Или Лада, если дом всё равно уже знает больше, чем положено. Сейчас мне не до титулов. Нам нужно закрыть пролом у конюшни.

Сторож смотрел на неё так, будто услышал не приказ, а странное заклинание.

— Сейчас?

— Нет, весной, когда через него войдут все желающие.

Нисса тихонько втянула воздух, но Брам вдруг снова усмехнулся. На этот раз почти с уважением.

— Пролом досками не закрыть. Там камень вывалился.

— Чем закрыть можно?

— Телегой, если сдвинуть. Да воротными жердями. Да цепью, если цепь не сперли.

— Цепь унесли?

— Нижнюю с кухонной двери точно унесли. Воротная вроде была. Только я один её не натяну.

— Теперь не один.

Брам нахмурился сильнее.

— Госпоже не место во дворе после заката.

— Госпоже место там, где у её дома дыра в стене.

Он помолчал, потом медленно, тяжело кивнул.

— Плащ наденьте. Север не любит голую шею.

Лада решила не уточнять, что именно север любит, а что нет. Она вернулась к кухне, набросила ещё влажный плащ, взяла вторую лампу, найденную Брамом в сторожке, и только после этого они вышли во двор через боковую дверь, которую дом открыл неохотно, с долгим скрипом и таким видом, будто выпускал хозяйку в крайне сомнительное место.

Ночь уже опустилась окончательно.

Дождь стал мельче, почти невидимым, но от этого холоднее. Он не падал каплями, а висел в воздухе серой мокрой пылью, оседал на волосах, ресницах, ткани плаща. Двор Эйрен-Гарда оказался больше, чем Лада представляла из окна: неровная каменная площадка, старый колодец под навесом, тёмные очертания конюшни, полуразрушенная стена, за которой начинался сад. Не сад даже — чёрная чаща переплетённых ветвей. Оттуда действительно доносились голоса.

Не слова. Вздохи. Шорохи. Иногда почти смех.

Лада крепче сжала фонарь.

— Не отвечайте, — сказал Брам, заметив её взгляд. — Что бы ни услышали, не отвечайте.

— А если позовут по имени?

— Особенно тогда.

Очень хотелось спросить, откуда в саду могут знать её имя, но Лада решила: один ужас за раз.

Они дошли до пролома у конюшни. Стена здесь просела, несколько крупных камней вывалились наружу, оставив в кладке тёмную брешь почти по пояс взрослому человеку. За ней чернел склон, ведущий к дороге и лесу. Ветер проходил через пролом свободно, принося запах мокрой земли, хвои и чего-то чужого — металлического, резкого, не принадлежащего дому.

Брам поднял фонарь выше.

На грязи у пролома отпечатались следы.

Свежие.

Не копыта, не сапоги. Узкие, глубокие вмятины, будто кто-то ступал босыми длинными ногами, но пальцев было больше, чем должно быть у человека.

Нисса тихо всхлипнула.

— В дом не вошло, — сказал Брам, и Лада не сразу поняла, успокаивает он её или себя.
— Значит, ещё держит.

— Что это?

— Ночной ходок. Или то, что от него осталось.

— Откуда они берутся?

Сторож бросил на неё странный взгляд.

— Из мест, где старые долги не закрыты.

Лада посмотрела на пролом. Вот опять. Старый долг. Чужая кровь. Лорд Эйрен. Север. Наместник. Все вокруг говорили кусками одной большой правды, но ни у кого, похоже, не хватало смелости или желания сказать её целиком.

— Телега где? — спросила она.

Брам молча указал на тёмный навес у конюшни.

Телега оказалась тяжёлой, с одним кривым колесом, но двигалась. Брам толкал сзади, Лада и Нисса тянули спереди за оглобли. Грязь чавкала под ногами, колесо упиралось в камни, ветер бил в лицо, из сада то и дело доносились обманчиво знакомые звуки. Один раз Ладе показалось, что кто-то зовёт её голосом матери. Не громко. Устало. Так, как звали из соседней комнаты в далёкой, нормальной, больше недоступной жизни.

Она чуть не обернулась.

И в тот же миг Нисса вцепилась в её руку.

— Не надо.

Лада застыла, чувствуя, как холод пробежал от затылка к пояснице.

Голос повторился. Тише. Ближе к стене.

Ладушка...

Она закрыла глаза на одно мгновение. Перед внутренним взглядом вспыхнула кухня из прежнего мира, чашка на столе, полоска света на полу, старый телефон, который она, наверное, так и не успела взять. Тоска ударила внезапно и сильно, не мистически, не красиво, а по-человечески просто: всё это было, и всего этого больше нет.

Но если она сейчас ответит, здесь, в чужом северном дворе, рядом с проломом и следами ночного ходака, то потеряет не прошлое. Потеряет настоящее.

Лада открыла глаза.

— Я занята, — сказала она в темноту ровным, почти деловым голосом. — Приходите по записи.

Брам поперхнулся воздухом. Нисса посмотрела на неё с ужасом и восторгом одновременно. А сад, кажется, на секунду замолчал от оскорблённого недоумения.

Этой секунды хватило, чтобы они дотащили телегу до пролома.

Потом началась работа. Грубая, мокрая, тяжёлая. Телегу поставили поперёк бреша. Сверху Брам уложил две воротные жерди, которые нашёл у конюшни. Лада держала фонарь и подавала скобы. Нисса таскала небольшие камни и складывала их у колёс, чтобы телега не откатилась. Один раз из-за стены снова потянулась тень, тонкая и любопытная, но драконий знак на ближайшем камне вдруг вспыхнул слабым золотом, и тень исчезла.

Дом помогал.

Не щедро. Не ласково. Словно старый упрямец, который всю жизнь делал всё сам и теперь с неудовольствием признавал, что новая хозяйка хотя бы не совсем бесполезна.

Когда пролом был закрыт настолько, насколько позволяли ночь, усталость и подручные вещи, Лада отступила на шаг и осмотрела работу. Получилось криво, тяжело, некрасиво. Зато теперь через брешь нельзя было просто войти.

— До утра выдержит? — спросила она.

Брам провёл ладонью по мокрой бороде.

— Если дом захочет — выдержит.

— А если не захочет?

— Тогда и целая стена не поможет.

— Значит, будем считать, что захочет.

Она повернулась к дому. Из тьмы Эйрен-Гард смотрел на них чёрными окнами. На втором этаже по-прежнему горела серебристая полоска, но теперь внизу, в кухонном крыле, светились тёплые огни. Один, второй, третий. Не от свечей, которых они не зажигали. Дом словно отмечал закрытые места, возвращая им жизнь.

Лада подняла фонарь.

— Слушай меня, Эйрен-Гард, — сказала она. — Я не знаю твоих правил. Не знаю, кого ты ждёшь, кого боишься и кому должен. Но пока я здесь, никто не будет разбирать тебя по кускам. Никто не будет уносить задвижки, бросать детей под столом, воровать последнее и делать вид, что дом уже умер. Ты назвал меня хозяйкой. Значит, первый приказ такой: держать стены до утра. Не пускать чужих. Своих не пугать без нужды. Огонь в кухне не гасить.

Ветер прокатился по двору, взметнул полы её плаща, прошёлся по голым ветвям сада. На мгновение Ладе показалось, что дом молчит.

Потом где-то под землёй глухо, тяжело ударило.

Один раз.

Будто огромное сердце сделало первый, неохотный толчок.

Брам медленно снял с головы старую шапку.

Нисса прижалась к Ладе ближе.

На камнях у входа в кухонное крыло один за другим проступили золотые знаки — маленькие, тонкие, похожие на искры в трещинах. Они не складывались в герб полностью, но обозначали путь назад. Дом услышал. Или принял приказ. Или решил, что пока ему интересно.

Для начала этого хватало.

Внутри они вошли уже другими.

Не победителями, нет. Побеждать было рано. Но когда Лада переступила порог кухни, отряхивая с плаща капли, она почувствовала: дом больше не просто держит её внутри. Он ждёт, что она начнёт действовать.

И она начала.

— Нисса, — сказала Лада, снимая мокрый плащ, — найди всё, что можно положить на стол без готовки. Хлеб, яблоки, крупяные лепёшки, если есть, хоть сухари. Брам, проверь ещё раз кухонный двор и вернись. Потом мне нужен список всех, кто живёт в доме, кто ушёл за последний месяц и что унесли. Не в общих словах, а поимённо и по вещам. Хенну надо позвать сюда.

Брам насторожился.

— Старая Хенна сама приходит, когда считает нужным.

— Сегодня она посчитает нужным, потому что я так сказала.

Нисса замерла у полки.

Брам прищурился.

— Хенна ключи держит.

— Прекрасно. Значит, ей тем более пора познакомиться с хозяйкой.

— Она не любит новых.

— А я не люблю, когда в моём доме есть человек с ключами, который прячется, пока ребёнок сидит под столом.

Сторож посмотрел на неё долго, тяжело. В его взгляде не было дерзости, скорее проверка. Он словно пытался понять, произнесены ли эти слова от испуга, от глупости или от той самой силы, которую дом иногда признаёт раньше людей.

Потом Брам кивнул.

— Позову.

Он ушёл, а Лада осталась в кухне с Ниссой и огнём. Девочка суетила у полок, доставала глиняную миску, деревянную доску, сухие яблоки, половину чёрствой лепёшки, небольшой мешочек крупы, который тут же поставила обратно, будто боялась потратить лишнее. Лада заметила это, но не стала сразу комментировать. Сначала нужно было накормить страх хотя бы видом порядка.

Кухня постепенно оживала. Очаг горел ровнее, на стол легли тёплые блики, медный котёл уже не казался брошенным, а просто ждущим рук. За маленьким окном темнел двор, но теперь

эта темнота была снаружи. Внутри пахло дымом, мокрой шерстью, сушёными яблоками и старым деревом. Никакой роскоши, никакого уюта в привычном смысле, но Лада вдруг поняла: именно здесь начнётся её власть.

Не с парадного зала. Не с герба. Не с серебристой двери на втором этаже.

С кухни.

С огня.

С того, что кто-то впервые за долгое время скажет: в этом доме больше нельзя бросать слабых и прикрываться проклятием.

— Нисса, — позвала она.

Девочка подняла голову.

— С сегодняшнего дня ты не прячешься под столом, если в дом входят чужие. Ты идёшь ко мне, к Брам или к Хенне. Если кто-то велит тебе молчать о важном — сначала думаешь, не опасно ли это для дома. Если опасно, говоришь мне. Понятно?

Нисса вцепилась пальцами в край доски.

— А если вы уйдёте?

Вопрос прозвучал так тихо, что Лада почти не услышала его за потрескиванием очага.

Она могла бы сказать красивую неправду. Что не уйдёт никогда. Что всё будет хорошо. Что дом теперь в безопасности, а север пусть скрипит зубами за воротами. Но дешёвые обещания в таком месте были хуже молчания. Эйрен-Гард слишком долго жил среди тех, кто обещал и исчезал.

Лада подошла к девочке и присела рядом, чтобы не смотреть сверху вниз.

— Я не знаю, что будет дальше, — сказала она честно. — Я даже не знаю всех правил этого мира. Но сейчас я здесь. Я вошла сама, дом меня признал, и я уже закрыла одну дыру в стене. На сегодня это больше, чем сделали многие взрослые до меня. Поэтому будем двигаться так: один вечер, одна задача, одно решение. Сегодня мы не уходим и не прячемся. Сегодня мы закрываем дом и едим за столом.

Нисса смотрела на неё очень внимательно, будто каждое слово надо было примерить, проверить на прочность и только потом осторожно поверить.

— За столом? — переспросила она.

— За столом. Люди едят за столом. Под столом прячутся только от тех, кто не умеет быть людьми.

У девочки дрогнули губы.

И в этот момент дверь кухни открылась.

На пороге стояла старая женщина.

Она была высокой, прямой, сухой, как зимняя ветка, которую не сломал ни один ветер. Седые волосы убраны под тёмный платок, на поясе — связка ключей, такая тяжёлая, что оттягивала ткань юбки. Лицо у неё было узкое, с глубокими складками у рта, глаза — светлые, почти бесцветные, и в этих глазах не было ни страха Ниссы, ни мрачной осторожности Брами. Только холодная оценка.

Брам стоял за её плечом и явно предпочёл бы оказаться где угодно, только не между двумя женщинами в этой кухне.

Старая Хенна окинула взглядом Ладу, огонь в очаге, стол, Ниссу, которая не успела отойти от хозяйки, и золотой отблеск на дверном косяке.

— Значит, дом опять ошибся, — сказала она.

Нисса ахнула.

Брам тихо выругался себе в бороду.

Лада выпрямилась медленно. Внутри у неё зашевелилась усталость — тяжёлая, мокрая, человеческая. Ей хотелось сесть, согреться, понять наконец, что происходит на втором этаже, и хотя бы на несколько минут перестать быть женщиной, от которой все чего-то ждут: дом —

приказов, ребёнок — защиты, старик — доказательств, старая ключница — права на презрение.

Но именно поэтому она не села.

— Добрый вечер, Хенна, — сказала Лада.

Старуха не ответила.

— Я новая хозяйка Эйрен-Гарда. Дом признал меня, документы при мне, ворота и нижние входы закрываются. Мне нужны ключи от жилых комнат, кладовых, бельевой, погребов, мастерских и всех помещений, куда может войти человек. Кроме подвала, к нему вернёмся утром. Ещё мне нужен список запасов и людей.

Хенна смотрела на неё без малейшего движения.

— Вы слишком много хотите для первой ночи.

— Нет. Слишком мало для дома, который разваливается потому, что каждый решал только за себя.

В кухне стало так тихо, что слышно было, как по стеклу сползает дождевая капля.

Глаза Хенны сузились.

— Вы ничего не знаете об этом доме.

— Верно. Поэтому спрашиваю тех, кто знает.

— Вы не знаете, что здесь пережили люди.

— Тоже верно. Поэтому не собираюсь обвинять тех, кто остался. Но тех, кто остался, я собираюсь организовать.

— Организовать? — старуха произнесла это слово с таким холодным удивлением, будто Лада предложила переставить горы.

— Да. У нас есть закрытая кухня, очаг, немного еды, сторож, ребёнок, ключница, документы, живой дом с тяжёлым характером и неизвестная опасность снаружи. Этого достаточно, чтобы перестать бегать по углам и начать думать.

Хенна медленно прошла в кухню. Ключи у её пояса звякнули — сухо, резко, как маленькое предупреждение. Она остановилась напротив Лады, и теперь их разделял только угол стола.

— Все новые хозяева начинали с приказов.

— А заканчивали чем?

— Кто как.

— Тогда я начну не как все.

— Уже начали.

В этих словах было не одобрение. Но презрения стало чуть меньше.

Лада протянула руку ладонью вверх.

— Ключи.

Брам шумно втянул воздух. Нисса застыла.

Хенна посмотрела на протянутую ладонь так, будто Лада потребовала отдать ей не связку железа, а память, власть и последнюю опору старого дома.

— Ключи Эйрен-Гарда не дают чужим.

— Дом сказал, что я хозяйка.

— Дом говорил и раньше.

— Но сейчас я стою здесь, а прежние ушли.

Удар получился жёстче, чем Лада хотела. Она увидела, как по лицу Хенны прошла тень. Не гнев даже, а старая, глубоко спрятанная утрата. Значит, среди ушедших были не только трусы и воры. Были те, кого она оплакивала.

Лада смягчила голос, но руки не убрала.

— Хенна, я не собираюсь отнимать у вас дом. Мне его уже отдали. Насильно. Вместе с долгами, страхами, проломами в стенах и детьми под столом. Вы можете считать меня ошибкой, наказанием, чужачкой, кем угодно. Но сегодня ночью, пока за стеной ходит то, чему Брам

не хочет давать имя, а дом предупреждает о чужой крови, нам не до борьбы за связку ключей. Либо вы помогаете мне закрыть Эйрен-Гард, либо мешаете. Выбирайте.

Старуха молчала.

Очаг трещал, отбрасывая на её лицо резкие тени. За окнами сгущалась ночь. Где-то наверху по-прежнему была приоткрыта дверь, из которой лился бледный свет, и Лада чувствовала её даже отсюда, как чувствуют взгляд в спину.

Наконец Хенна сняла с пояса один ключ.

Не всю связку. Один.

Длинный, тёмный, с головкой в виде башни.

Она положила его на ладонь Лады.

— От восточного крыла. Там сухие комнаты. Одна даже с целыми окнами. На большее вы сегодня не готовы.

Лада сжала ключ.

— Это решу я.

— Нет, госпожа. Это решит дом.

В ту же секунду сверху раздался удар.

Не грохот рухнувшей балки. Не хлопок двери. Это был один тяжёлый шаг.

Потом второй.

Все в кухне замерли.

Нисса побледнела. Брам медленно поднял фонарь. Хенна закрыла глаза так, словно услышала голос того, кого давно ждала и боялась услышать снова.

Шаги шли по второму этажу.

Медленно.

К лестнице.

Лада положила ключ на стол, рядом с папкой документов, и повернулась к двери кухни.

— Кто это? — спросила она.

Никто не ответил.

Шаги остановились где-то в холле. Дом замер вместе с ними. Даже огонь в очаге будто стал ниже, осторожнее, тише.

А потом в глубине Эйрен-Гарда прозвучал уже не шёпот.

Голос был низким, хриплым, измученным, но живым.

— Кто посмел приказывать моему дому?

Глава 4. Дети из мёртвого сада

Голос не был похож на шёпот стен.

Он не просачивался из камня, не звенел в ключах Хенны, не дрожал в огне очага и не прятался в чужом детском голосе. Он принадлежал живому существу — уставшему, злому, привыкшему к власти даже тогда, когда сил на эту власть почти не осталось.

Лада стояла у кухонной двери, не двигаясь.

За её спиной замерла Нисса. Брам поднял фонарь чуть выше, и свет лёг на его широкое лицо, сразу ставшее старше. Хенна не шелохнулась, только пальцы её сомкнулись на связке ключей так крепко, что металл сухо звякнул в тишине.

Голос прозвучал из холла.

Не с верхнего этажа, как ожидала Лада. Не из-за серебристой двери, не из потайной комнаты, не из прошлого. Он был ближе. Совсем близко. Там, за коридором, где ещё недавно темнели пустые рамы и дрожали золотые огоньки.

Лада медленно взяла со стола фонарь.

— Кто бы это ни был, — сказала она тихо, — он пришёл сам.

— Не ходите, — прошептала Нисса.

— Если он уже в доме, прятаться на кухне поздно.

— Госпожа, — хрипло произнёс Брам. — Позвольте мне.

Лада посмотрела на него.

Сторож держался крепко, но пальцы на рукояти старого ножа у пояса побелели. Хенна смотрела в сторону холла так, словно ждала не врага, а приговора, который много лет откладывали. Нисса почти не дышала.

И Лада поняла: все трое знают больше, чем говорят. Все трое боятся не одинаково, а каждый по-своему. Брам — как человек, который привык закрывать ворота от чужих, но не знает, как закрыть их от прошлого. Хенна — как та, кто когда-то уже потеряла слишком многое. Нисса — как ребёнок, которому запрещали даже задавать вопросы.

Значит, если сейчас Лада отступит, дом снова станет местом, где правят страхи, молчание и чужие недоговорённости.

— Нет, Брам, — сказала она. — Пойдём вместе. Но говорить буду я.

Старик хотел возразить, но Хенна неожиданно произнесла:

— Пусть идёт.

Лада обернулась.

— Почему?

— Потому что он спросил, кто посмел приказать его дому. Значит, ответить должна та, кто приказала.

В голосе старой ключницы не было поддержки. Только жёсткая правда, холодная, как каменный пол. Но Лада всё равно кивнула. Иногда и этого достаточно.

Она вышла первой.

Коридор после тёплой кухни показался длиннее, чем был. Фонарь в её руке горел ровно, но свет не разгонял тени до конца, а лишь отодвигал их к стенам. За спиной слышались тяжёлые шаги Брама, лёгкое дыхание Ниссы и почти бесшумная поступь Хенны. Дом молчал. Даже скрип половиц куда-то исчез, будто Эйрен-Гард сам задержал дыхание, ожидая встречи.

В холле было темно.

Золотые знаки на полу тускло тлели в трещинах плит. Главная дверь по-прежнему оставалась гладкой, без ручки, без щелей, с железной головой дракона снаружи. Лестница уходила вверх в густой сумрак; серебристая полоска света на верхней площадке погасла, словно дверь, открытая прежде, закрыли.

А у нижней ступени стоял мужчина.

Вернее, сначала Лада увидела только высокий силуэт.

Он опирался одной рукой на резной столб перил, будто без этой опоры не удержался бы на ногах. На нём была тёмная одежда старого покроя, слишком хорошая для слуги и слишком изношенная для хозяина: длинный камзол, потёртый на локтях, высокие сапоги, на плечах тяжёлая ткань, похожая на плащ, но больше напоминавшая крыло, сложенное за спиной. Волосы — тёмные, неровно отросшие — падали на лицо, скрывая половину черт. Вторую половину выхватывал фонарь: резкая скула, впалая щека, жёсткая линия рта.

Он был бледен так, как бывают бледны не от слабости, а от долгого отсутствия солнца.

И всё же в нём не было ничего беспомощного.

Даже сейчас, стоя с трудом, он занимал пространство так, будто холл, лестница, стены и сама тьма вокруг него действительно принадлежали ему по праву, которое не нуждалось в бумагах.

Лада остановилась в нескольких шагах.

Мужчина поднял голову.

Глаза у него были золотые.

Не карие, не янтарные, не освещённые случайным отблеском. Именно золотые — тёмное золото углей, которые долго лежали под пеплом и вдруг приняли воздух. В их глубине мелькнуло что-то нечеловеческое, древнее, раздражённое и болезненно настороженное.

— Вы не ответили, — сказал он.

Теперь голос звучал тише, но от этого не мягче.

Лада сильнее сжала ручку фонаря.

— Если вопрос был ко мне, отвечаю: я приказала.

Брам шумно втянул воздух за её спиной. Нисса спряталась за его рукав. Хенна не издала ни звука.

Мужчина смотрел только на Ладу.

— Кто вы?

— Мирана Вейрхольд. Новая владелица Эйрен-Гарда.

Золотые глаза сузились.

— Ложь.

Слово ударило сухо и резко, но Лада не отступила.

— Документы на кухне. Печать дома на них тоже. Если у вас претензии к канцелярии, придётся подождать до утра: Ровен Штайн уехал.

При имени секретаря губы мужчины чуть заметно дрогнули, и это движение было не улыбкой.

— Штайн привёз вас?

— Да.

— И оставил?

— Он очень старался этого не делать, но дом оказался настойчивее.

Мужчина перевёл взгляд на Брама, затем на Хенну. На Ниссе его взгляд задержался всего на мгновение, но девочка всё равно вздрогнула.

— Хенна.

Старая ключница склонила голову.

Не поклонилась. Просто признала, что услышала.

— Господин.

Лада медленно повернулась к ней.

— Господин?

Хенна не посмотрела на Ладу.

— Лорд Севар Эйрен. Последний хозяин этого дома.

В холле стало тесно от тишины.

Лада снова посмотрела на мужчину у лестницы.

Лорд Эйрен.

Имя из шёпота Ниссы. Имя, после которого дом никого не слушал. Имя человека, который, по словам всех, то ли исчез, то ли умер, то ли стал частью проклятия Эйрен-Гарда. И вот он стоял перед ней — живой, измученный, опасный, с золотыми глазами и голосом, способным заставить взрослых людей замирать.

Последний хозяин.

Только дом уже признал другую хозяйку.

— Последний? — переспросила Лада. — Удобное слово. Оно может означать и прежний, и единственный.

Золотой взгляд снова вернулся к ней.

— Осторожнее.

— С удовольствием. Как только пойму, с кем разговариваю: с человеком, призраком, хозяином дома или его главным недоразумением.

Брам тихо кашлянул, будто подавился воздухом. Нисса замерла совсем. Хенна наконец взглянула на Ладу — быстро, остро, почти с испугом.

Севар Эйрен не двинулся. Только пальцы на перилах сомкнулись сильнее. На мгновение Ладе показалось, что дерево под его ладонью потемнело, словно от жара.

— Вы смелая или глупая?

— Сегодня я уже слышала несколько вариантов. Новая, чужая, ошибка, наказание. Добавим ваши два к списку и разберёмся утром.

В его глазах вспыхнуло что-то похожее на гнев. Дом откликнулся тихим гулом в стенах.

Лада ощутила этот гул кожей. И всё же не опустила взгляд.

— А сейчас, лорд Эйрен, если вы действительно живой человек и действительно имеете отношение к этому дому, у нас есть более срочные вопросы. В стене у конюшни пролом, за ним следы ночного ходака или кого-то похожего. Кухонная дверь была без нижней задвижки. Часть слуг ушла, унося вещи. Ровен Штайн сбежал после того, как увидел тень в окне второго этажа. Дом предупредил о чужой крови у ворот и старом долге. А в кухне ребёнок прятался под столом, потому что привык бояться взрослых. Так что, если хотите спорить о праве собственности, становитесь в очередь. До вас у меня уже целый дом проблем.

Она сказала это ровно, но к концу голос всё же стал жёстче.

Не от желания победить. От усталости. От холода. От того, что за несколько часов её вырвали из прежней жизни, бросили в чужое тело, привезли в проклятое поместье, заперли внутри, познакомили с живым домом, тенями, тайными детьми и теперь ещё поставили перед мужчиной, который считал себя хозяином.

Хватит.

Севар Эйрен молчал.

Он смотрел на неё долго, слишком долго. В его взгляде не было ни восхищения, ни внезапной мягкости. Хорошо. Лада и не хотела, чтобы первый встреченный золотоглазый мужчина вдруг проникся к ней симпатией за три дерзкие фразы. В его взгляде было другое: тяжёлое недоверие человека, которого много раз предавали, и острое, почти звериное внимание.

— Дом не признаёт чужих, — наконец сказал он.

— Тогда, видимо, я не чужая.

— Вы Вейрхольд.

— Это имя тела, в котором я очнулась.

Слова вырвались прежде, чем она успела их остановить.

Хенна резко подняла голову. Брам нахмурился. Нисса медленно выглянула из-за его рукава. Севар не изменился в лице, но воздух вокруг него будто потемнел.

Лада поняла, что сказала слишком много.

Но отступать было поздно.

— Объяснять это я сейчас не буду, — добавила она. — Потому что сама не всё понимаю. И потому что ночь не лучшее время для больших признаний. Хотите считать меня Миранной Вейрхольд — считайте. Хотите считать самозванкой — пожалуйста. Но дом впустил меня, признал, зажёл очаг и принял первый приказ. Это факт. С фактами спорить можно, но пользы мало.

Севар медленно выпрямился.

Это движение стоило ему усилия. Лада заметила: как напряглись мышцы у рта, как он на секунду сильнее вцепился в перила, как глухо отозвался дом под ногами. Он был не слабым, нет. Но что-то удерживало его, выматывало, словно сама жизнь в этом доме давалась ему через сопротивление.

— Первый приказ, — повторил он.

— Держать стены до утра. Не пускать чужих. Своих не пугать без нужды. Огонь в кухне не гасить.

По холлу прошёл слабый, почти насмешливый скрип.

Лада подняла взгляд к потолку.

— Да, последнее особенно важно.

И тут Севар Эйрен неожиданно усмехнулся.

Усмешка вышла короткой, хриплой, без радости, но настоящей. Она тут же исчезла, однако на мгновение его лицо перестало быть каменной маской и стало лицом человека, который помнил, как звучит смех, хотя давно им не пользовался.

— Дом не любит, когда ему приказывают.

— Я тоже не люблю. Но нам обоим придётся привыкать.

— Вы говорите так, будто останетесь.

— Я уже осталась.

— Вы не понимаете, что это значит.

— Зато все вокруг с удовольствием повторяют мне эту фразу, не объясняя смысла. Начинает раздражать.

Его взгляд стал острее.

— Эйрен-Гард не выпускает тех, кого признаёт.

Слова прозвучали спокойно.

Слишком спокойно.

Лада почувствовала, как у неё внутри всё на миг похолодело сильнее, чем от северного двора. Нисса опустила глаза. Брам тяжело вздохнул. Хенна смотрела в сторону, будто эта правда была старой и всё равно каждый раз резала.

— Совсем? — спросила Лада.

— До закрытия долга.

— Какого?

Севар молчал.

Лада едва не рассмеялась, но сдержалась. Смех сейчас был бы не весёлым.

— Конечно. Ещё один человек, который умеет говорить половину.

— Остальное убивает быстрее.

— Незнание тоже.

Он посмотрел на неё так, будто хотел возразить, но в этот момент за стенами дома раздался протяжный, тонкий звук.

Не из сада.

Откуда-то дальше.

За двором, за стеной, за старой оранжереей, которую Лада ещё не видела.

Сначала это был просто скрип, словно ветер раскачал ржавую раму. Потом к нему примешался другой звук — короткий, испуганный, почти человеческий.

Детский.

Нисса вскрикнула и рванулась вперёд, но Брам успел схватить её за плечи.

— Нет!

— Там Тави! — выдохнула девочка. — Он не успел вернуться!

Хенна резко повернулась к ней.

— Ты сказала, они ушли из сада до заката.

— Они должны были! Я думала, успели!

Севар Эйрен сделал шаг вниз.

Дом глухо застонал под его ногой. Лада увидела, как на мгновение лицо мужчины исказилось, будто ему в грудь вонзили невидимый крюк. Он удержался, но Хенна тут же оказалась ближе.

— Вам нельзя.

— Отойди.

— Нельзя, господин.

Он посмотрел на неё — страшно, холодно, по-хозяйски. Но старая ключница не отступила.

Лада быстро перевела взгляд с них на Ниссу.

— Кто такой Тави?

Девочка вырывалась из рук Брама, по щекам у неё уже текли слёзы.

— Он маленький. Он не говорит, когда боится. Они живут в старой оранжерее, только ночью им нельзя там оставаться, потому что стекло поёт и сад зовёт. Я сказала им уйти раньше, правда сказала!

— Кто они?

Нисса зажмурилась.

— Дети.

Лада на секунду закрыла глаза.

Дети из мёртвого сада.

Вот и новая дверь, которую дом решил открыть этой ночью. Не серебристую наверху. Не подвал. Не тайну лорда Эйрена. Сначала — живые.

Она повернулась к Брам.

— Сколько?

— Госпожа...

— Сколько детей?

Сторож отвёл взгляд.

— Пятеро. Может, шестеро. Они не всегда показываются.

— И вы все об этом знали?

Молчание ответило лучше слов.

В груди у Лады поднялась такая горячая злость, что на миг стало не холодно.

— В моём доме прячется ребёнок под столом, в саду живут дети, по двору ходят твари, а вы спорите, кому нельзя на лестницу?

— Они не в доме, — глухо сказал Брам. — В оранжерее.

— Это земля Эйрен-Гарда?

— Да.

— Значит, в моём доме.

Севар Эйрен смотрел на неё, и теперь в его взгляде впервые что-то изменилось. Недоведение никуда не делось, но к нему примешалось напряжение, будто он ждал, какое решение она примет, и заранее был уверен, что ошибётся.

Лада подошла к столу, взяла ключ от восточного крыла и сунула его в карман. Потом подняла плащ, ещё влажный, тяжёлый, неприятно холодный, но всё же защищающий от ветра.

— Брам, фонарь. Нисса, ты остаёшься с Хенной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.